

Глава 3. Исторический процесс и социальная эволюция

1. Всемирная история, исторический процесс и социальная эволюция: соотношения

Относительно понятий «история», «всемирная история», «историческое развитие», «исторический процесс», которые нередко неправомерно используются как синонимы, необходимо сделать уточнение. Следует учитывать, что первый термин гораздо объемнее двух остальных (см. подробнее: Гринин 2003а: 18, 30–31; 2006ж; Гринин, Коротаев 2007в [№ 2]). Ведь история – это широкий контекст, включающий не только развитие, но и неэволюционное функционирование социальных систем, упадок, застой, циклическую и стохастическую динамику, уничтожение, качественные трансформации, не сопровождающиеся значимым ростом (или уменьшением) сложности социальных систем. Историческое развитие и исторический процесс в целом могут быть поняты лишь в рамках такого контекста, но они не равны ему по объему (Гринин, Коротаев 2013; Гринин Л., Гринин А. 2015).

Прежде всего, категория исторический процесс не является синонимом всемирной истории¹. Хотя понятие исторического процесса и базируется на фактах всемирной истории, но, во-первых, из этих фактов так или иначе отобраны наиболее важные с точки зрения процесса и изменений, а во-вторых, это множество фактов упорядочено и интерпретировано в соответствии как с анализируемым пространственным и временным масштабом, тенденциями и логикой исторического развития человечества в целом, так и с сегодняшним результатом этого развития.

Иными словами, исторический процесс – это вовсе не механическая сумма историй многих народов и обществ и даже не процесс движения и развития во времени этих народов и социумов самих по себе. Речь идет о нарастающем и даже кумулятивном процессе интеграции обществ, в котором есть направление и результат, ведущий ко все большей системности надобщественных отношений. Противники категории «всемирно-исторический процесс» (далее просто исторический процесс) выдвигали и выдвигают возражения, что человечество не является такой системой, которую можно рассматривать как реальный субъект, что история человечества – это история отдельных обществ и цивилизаций, поэтому говорить об историческом процессе человечества неправомерно (см., например: Милюков 1994: 43–47; Хоцей 2000: 488–489; см. также нашу дискуссию с И. В. Следзевским в Гринин, Коротаев 2009: *Главе 1*)². Между тем с каждым днем становится все более очевидно, что процесс глобализации делает (а в некоторых аспектах

¹ Как мы уже указывали выше в *Главе 1*, и понятие всемирной истории (*world history*) долго рассматривалось как малопродуктивное для историков и обществоведов, да и сегодня принимается далеко не всеми (см. об этом: Pomper 1995; Geyer, Bright 1995). Но даже те историки, которые осознают важность концепции мировой истории, практически не придают значения методологии ее исследования (см.: Pomper 1995: 1).

² А. С. Хоцей предлагает такую аналогию: если условно считать общество за «особь», то тогда человечество надо рассматривать как «популяцию». Не вдаваясь в критику этого сравнения, заметим следующее. Даже если бы человечество оставалось на уровне локальных обществ, и тогда можно было говорить о его историческом процессе, по крайней мере, в том же смысле, как мы говорим о процессе развития биосферы. Или в том смысле, в каком сегодня сторонники Большой истории (то есть истории Вселенной от Большого взрыва до сегодняшнего дня) рассматривают эту историю в качестве процесса и в той или иной мере говорят о ее временном делении, то есть по сути, периодизации (см., например, спецвыпуск журнала *Social Evolution & History: Exploring the Horizons of Big History* [Snooks 2005]; см. также: Назаретян 2004; Nazaretyan 2005; Christian 2004, 2018; Brown 2007; Christian et al. 2014; Spier 2010).

уже сделал) человечество реальным субъектом³. Но если человечество уже становится некоей особой надсистемой и процесс его структурирования набирает силу, то по какой причине нельзя исследовать исторический процесс становления человечества? Если можно исследовать процесс изменения численности человечества, а также и процесс изменения некоторых других аспектов его жизни, и строить на этой базе концепции и периодизации (см., например: Капица 2004а, 2008; Коротаяев, Малков, Халтурина 2005а, 2005б, 2007; Коротаяев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаяев 2020а, 2020в), почему неправомерно говорить об историческом процессе человечества в целом?

Понятие исторического процесса **человечества** в таком аспекте означает не то, что последнее всегда было некой реальной системой. Оно означает только следующее:

- а) избирается соответствующий масштаб исследования;
- б) учитывается, что на протяжении всех периодов исторического процесса общества, цивилизации и другие его субъекты развивались неравномерно (методологически это, кроме всего прочего, показывает, что для анализа хода исторического процесса важнейшей оказывается модель влияния более «продвинутых» регионов [прежде всего именно центральных, «передовых» частей Мир-Системы] на «отсталые»);
- в) масштаб и сцена действий от эпохи к эпохе расширяются, пока они не становятся равными масштабу всей планеты;
- г) следовательно, исторический процесс человечества – это в первую очередь процесс движения от автономных и изолированных социумов к формированию современной очень сложной системы обществ, тесно взаимодействующих в планетарном масштабе;
- д) когда (и если) человечество реально превратится в субъект, развитие которого в целом будет хотя бы частично определяться общей и ясно выраженной коллективной волей, тогда исторический процесс в нынешнем значении начнет близиться к завершению, и речь надо будет вести об иных значениях этого процесса или, возможно, уже об иных процессах.

Дадим теперь определение исторического процесса.

Исторический процесс – это понятие, которым обозначается сложный комплекс внутренних изменений и взаимодействий различных субъектов исторической деятельности, в результате которого происходили важные перемены в обществах и их интеграция, возникновение и развитие Мир-Системы, постоянное укрупнение этой и иных межобщественных систем, шел переход к новым уровням развития и в целом (с учетом сегодняшнего результата и ближайшей перспективы) к состоянию превращения человечества из потенциального единства во все более реальное.

О соотношении социальной эволюции и исторического процесса. Несомненно, это связанные категории. Однако первая существенно шире и абстрактнее второй, менее связана с конкретным ходом истории, поскольку социальная эволюция рассматривает процессы изменений для которых отдельные исторические зигзаги не столь важны. Как пишет Н. Луман, «особый интерес теории эволюции направлен на отклоняющееся воспроизводство как условие структурных изменений. Сначала это не имеет ничего общего с историописанием, что объясняет тот факт, что на протяжении истории науки эволюционизм и историцизм находились в состоянии войны. Следует признать различность этих перспектив, но в борьбе между ними нет необходимости». В любом случае, ни одно историописание не может обходиться без представления о структурных изменениях (которые и занимается эволюция). Оно, следовательно, должно будет консультировать и эволюционную теорию (Луман 2005: 91, 92–93).

Следует также учитывать, что социальная эволюция включает в себя и такой аспект как изменение человечества как вида. Хотя на ранних фазах социальной эволюции это

³ В частности, становится ясно, что в процессе глобализации начинает растворяться национальный суверенитет (см.: Гринин 1999а, 2005а, 2007б, 2007с, 2008б; Гринин, Коротаяев 2009, 2016).

было заметнее, т. к. расово-генетические и морфологические изменения, которые могут заметить антропологи, были еще довольно значимыми всего лишь несколько тысяч лет назад, тем не менее и сегодня генетические мутации играют немалую роль в жизни людей, в т. ч. вызывая различные болезни и отклонения, связанные с усвоением пищи, реагированием различные факторы (включая и солнечную радиацию).

Как уже сказано, исторический процесс реализуется на уровне Мир-Системы и человечества в целом. При этом до формирования связной и охватывающей важнейшую часть человечества ойкумены исторический процесс шел не как реальный надобщественный процесс, а как ретроспективный итог многочисленных историй отдельных обществ. И на таком уровне сходство исторического процесса и социальной эволюции, возможно, было даже выше, чем позже.

Благодаря предельности в Мир-Системе существенно модифицируется сам ход социальной эволюции, поскольку все более плотными становятся контакты, а значит, все заметнее роль макроэволюции именно как системы наиболее ароморфных и трансформных изменений в рамках предельной системы или ее крупных частей⁴. В некотором смысле можно даже сказать, что самостоятельная, на уровне независимых обществ, эволюция постепенно прекращается, поскольку на эволюцию отдельных обществ все сильнее воздействуют макроэволюционные ароморфозы, распространяющиеся в рамках мир-системы. А отсюда и разный темп развития в обществах, входящих в мир-систему, и изолятах; в главной («центральной») мир-системе (= Мир-Системе) и периферийных мир-системах (например, американской). Таким образом, самостоятельная эволюция обществ обладает медленной скоростью именно потому, что эта эволюция самостоятельна и не имеет важных внешних воздействий от аналогичных ей систем. Чем более крупной и разнообразной по составу своих элементов, по своей структуре оказывается социальная система, чем больше и сложнее в ней связи, тем при прочих равных условиях выше скорость ее развития.

2. Основные категории анализа исторического процесса

Несмотря на указанные различия между понятиями социальной эволюции и исторического процесса, в целом, категориальный аппарат, разработанный нами для анализа исторического процесса вполне годится для многих поставленных в этой монографии задач. Мы не будем говорить о полной системе категорий (подробнее об этом Гринин 2009, 2016б), а остановимся на наиболее важных (которым будет также посвящена глава 10). Один из важных моментов системности заключается в том, что категории исторического процесса должны быть соотносимыми с категориями, характеризующими структуру и функции общества как социального организма (подробнее о категориях, которые являются удобными для анализа отдельного общества, а также о соотношении категорий разных уровней см.: Гринин 2003а; 2003б; 2009). Но в данном контексте мы будем использовать только некоторые из них.

Принцип производства благ. Это категория, которая характеризует качественные уровни развития мировых производительных сил. *Мы выделяем четыре принципа производства: охотничье-собирательский; аграрно-ремесленный; торгово-промышленный; научно-кибернетический.*

Принцип производства благ – категория, с помощью которого описываются крупнейшие ступени развития мировых производительных сил в историческом процессе. Каждому уровню исторического процесса соответствует только один собственный

---

⁴ Трансформными изменениями мы могли бы обозначить особый вид изменений, вызвавших наибольшие по глубине и масштабам перемены в самых разных областях жизни и социумах в результате появления того или иного ароморфоза. В этом плане детерминатив трансформный показывает, что ароморфоз относится к высшему типу.

принцип производства. Каждый принцип производства – особая ступень, поэтому сходство между ними весьма абстрактное, прежде всего в масштабе перемен, их революционности.

Каждый принцип производства означает переход в рамках всемирно-исторического процесса (Мир-Системы) к совершенно новым, на порядки более производительным системам производства, в итоге перестраивающим всю хозяйственную деятельность и соответствующие ей отношения. Иными словами, речь идет не просто о новых технологиях, способах хозяйствования, но о (принципиально) полной смене форм деятельности в мировых масштабах. Используя сравнение Э. Тоффлера, можно сказать, что новый принцип производства атакует старый по каждой позиции (Toffler 1980: 22).

Последнее в названии категории слово («благ») надо дополнительно пояснить: невозможно ограничиваться только материальными благами. «Духовное производство» и раньше нередко являлось «органическим подразделением» всего производства (Толстых 1981; 1982: 49), а сегодня это очень большой и, главное, очень быстро растущий сектор, который развивался как часть характерного для современной экономики сектора производства услуг (см., например: Bell 1973; World Bank 2020; Белл 1974; Мэмфорд 1986), но который в экономической статистике уже выделяется во вполне самостоятельный сектор. Таким образом, при использовании этого понятия речь должна идти о производстве обычных, типичных благ, предназначенных для поддержания или расширения жизненного цикла обществ и самого производства, неважно, материальные они или духовные. Оговорив этот момент, в дальнейшем буду использовать краткий вариант термина – *принцип производства*.

2.1. Понятие производственной революции

Эти технологические переломы в истории общества уже давно привлекают внимание ученых. Индустриальная революция стала объектом активного исследования в XIX – начале XX в. как марксистской, так и немарксистской школ (см., например: Энгельс 1955[1845]; Маркс 1960[1867]; Плеханов 1956[1895]; Лабриола 1960[1896]; Toynbee 1927[1884]; 1956[1884]; Манту 1937[1906]). Первые идеи об аграрной (неолитической) революции были высказаны в работах Г. Чайлда в 1930-е гг., а теория этой революции была развита им в 1940-е и 1950-е гг. (Childe 1948; 1952; Чайлд 1949; 1956). С 40-х гг. XX в. интерес к анализу влияния производства на историческое развитие и исторический процесс в целом увеличился, при этом в отношении будущего технического общества одновременно развивались как оптимистические, так и пессимистические идеи. Он еще более вырос в результате осознания того, что мир вступил в кибернетическую революцию (которая в 1950–1980-е гг. обозначалась самыми разными терминами, в частности в советско-российской традиции вслед за Дж. Берналом (1956) – научно-технической революцией). Неудивительно, что в 1960-е – 1980-е гг. интерес к производственным революциям вырос, в частности в работах так называемых постиндустриалистов, особенно Д. Белла, Э. Тоффлера (Bell 1973 [рус. пер. 1999]; 1978; 1990; Toffler 1980 [рус. пер. 2004], Toffler A., Toffler H. 1995; Тоффлер 1999; 2003), Т. Стоуньера (1986; Stonier 1983); А. Турена (1986; Touraine 1983; 1974); Г. Кана (1986; Kahn 1983) и в меньшей степени других (Drucker 1995; 1996; Дракер 1999; Thurgow 1996; Туроу 1999 и пр.; см. также: Дайзард 1986; Мартин 1986; Кастеллс 2002), а также философов техники (Ellul 1964; 1975; 1982; 1984; Эллюль 1986; Мамфорд 2001 и др; см. также: Иноземцев 1999).

О каждой из трех производственных революций написано очень много (см., например: Reed 1977b; Harris, Hillman 1989; Cohen 1977; Rindos 1984; Bellwood 2004; Шнирельман 1989a; 2012a; 2012b; Smith 1976; Miller 1992; Ingold 1980; Cauvin 2000; Knowles 1937; Dietz 1927; Henderson 1961; Phyllis 1965; Cipolla 1976b; North 1981; Stearns 1993; 1998; Lieberman 1972; Мокыр 1985; 1990; 1993; 1999; 2010; Мокыр, Фотх 2010; Сабо 1979; Аллен 2013; 2014; Кларк 2013; Pomeranz 2000; Huang 2002; Голдстоун 2014; More 2000;

Bernal 1965; Philipson 1962; Benson, Lloyd 1983; Sylvester, Klotz 1983). Но до сих пор еще совершенно недостаточно исследований, в которых эти революции рассматривались бы как повторяющиеся явления, каждое из которых знаменует важнейший рубеж в истории человечества.

Производственную революцию мы определяем как коренной переворот в мировых производительных силах, связанный с переходом к новому принципу хозяйствования в технологиях, разделении труда, обмене, во взаимоотношениях общества и природы и т. д. Производственная революция: а) вовлекает в хозяйственный оборот принципиально новые возобновляемые или длительно неисчерпаемые ресурсы, причем эти ресурсы должны быть достаточно распространены на большинстве территорий мира или крупного региона; б) значительно повышает производительность труда и/или выход продукции; в) увеличивает во много раз объемы производства; г) в отличие от различных технических переворотов затрагивает не только отдельные важные отрасли, но и все хозяйство в целом; д) активно распространяется на новые территории и общества.

В результате производственной революции происходит изменение модели демографического воспроизводства, возникает мощнейший импульс для качественной реорганизации всей общественной структуры и общественных отношений.

Речь идет о следующих производственных революциях:

1. **Аграрная революция** была грандиозным переходом от присваивающего хозяйства (охоты, собирательства, рыболовства), то есть использования готовых продуктов природы, к сельскому хозяйству. Ее результат – переход к систематическому производству пищи и на этой базе – к сложному общественному разделению труда. Данная революция связана также с использованием новых источников энергии (силы животных) и материалов.

2. **Промышленная революция** – это колоссальный переход от аграрно-ремесленного принципа производства к новой системе, в результате которой основное производство сосредоточилось в промышленности и стало осуществляться при помощи машин и механизмов. Значение этой революции не только в замене ручного труда машинным, но и в замене биологической энергии водной и паровой. Это означало регулярное внедрение научных и технических достижений в производственный процесс и неустанное стремление к инновациям. Промышленная революция открыла в широком смысле процесс трудосбережения (как в физическом труде, так и в учете, контроле, управлении, обмене, кредите, передаче информации).

3. **Кибернетическая революция** – великий переход от индустриального принципа производства к производству и сфере услуг, основанных на широком использовании самоуправляемых систем. Первая фаза этой революции началась в 1950–1960-е гг., в результате появились мощные информационные техника и технология, стали активно использоваться новые материалы и виды энергии, распространилась автоматизация. В 2030–2060-е гг. состоится завершающая фаза этой революции, в результате которой резко возрастет возможность управлять полезными для людей системами, причем не только техническими, но и биологическими, экологическими и даже некоторыми социальными, превратив их в самоуправляемые, работающие в автономном режиме. Одним из важнейших объектов воздействия кибернетической революции станет человеческий организм, и благодаря мощным прорывам в медицине появится возможность радикального увеличения продолжительности человеческой жизни, расширения возможностей для модификаций биологической природы человека.

Всемирный характер производственных революций и некоторые их характеристики. Производственная революция начинается локально, то есть в одном/нескольких местах определенного региона. А поскольку она знаменует переворот в мировых

производительных силах, то представляет собой *длительный по времени процесс, постепенно затрагивающий все большее количество обществ и территорий*. В результате: а) общества, в которых она совершилась, становятся значительно более эффективными в технологическом, экономическом, демографическом, культурном и – часто – военном плане; б) отход от новой производственной системы (к старой) является исключением, а присоединение к ней – правилом.

Каждая из производственных революций уникальна и имеет свои неповторимые черты. Но в то же время в их развитии есть и сходства, которые позволяют создать модель производственной революции как глобального и повторяющегося явления.

Каждая производственная революция:

– *по причинам возникновения*: результат длительного накопления количественных и качественных изменений, которые в конце концов переходят в новый процесс трансформаций;

– *по последствиям*: крупный качественный рывок, ведущий к нарастающему усложнению общественного разделения труда и интеграции человечества, а в целом – к коренному изменению во всех областях жизни;

– *по структуре*: проходит ряд последовательных этапов (подробнее об этом см. ниже);

– *по длительности*: происходит не одновременно и быстро, а представляет собой длительный процесс⁵;

– *по пространственным характеристикам*: это процесс, начинающийся в одних местах и распространяющийся на все большее количество обществ и территорий, пока не захватит их все.

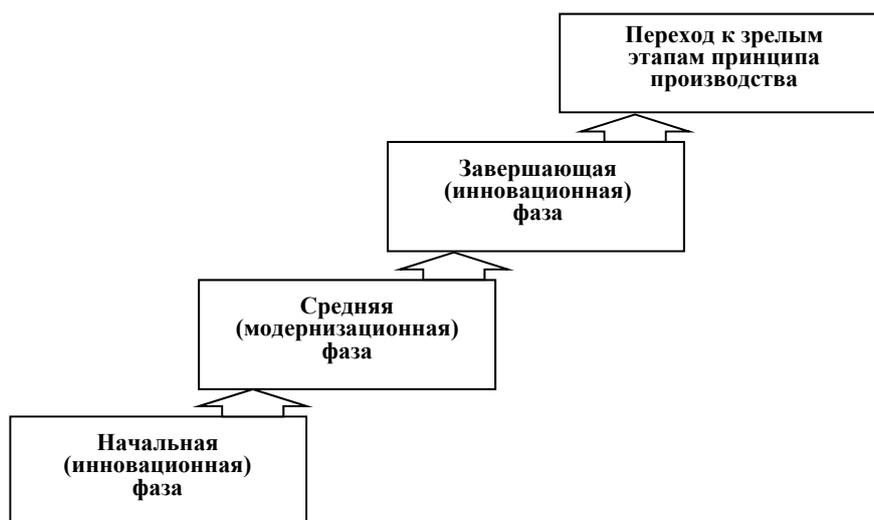
Производственные революции как составная часть принципов производства.

Как уже было сказано, в процессе производственной революции формируются новые секторы производства, и только после ее завершения принцип производства приобретает свои специфические черты. При этом важно понимать, что во время производственной революции (иными словами, на начальных этапах принципа производства) происходят наиболее значимые по степени инновационности изменения. Но самые глубокие качественные изменения не могут быть одновременно и самыми широкими, так как подобного рода прорывы, образно говоря, совершаются в относительно узких местах. Только когда новые технологии докажут свое превосходство, начинается массовый переход к ним. Вот почему наиболее масштабные изменения (то есть самые массовые, а потому и самые широкие, заметные, затрагивающие всех и все) имеют место уже после производственной революции, на зрелых этапах принципа производства. И эти масштабные изменения в производстве в свою очередь ведут к радикальной перестройке социальной структуры общества, его идеологии и культуры.

Структурная модель производственных революций и принципов производства

Структура производственных революций. В нашей теории производственной революции принципиально новой является идея о том, что *каждая производственная революция имеет однотипный внутренний цикл*. Она включает в себя три фазы: две *инновационные* (начальную и завершающую) и одну – среднюю – *модернизационную* фазу (см. Рис. 1.3).

⁵ Но в связи с ускорением исторического развития эта длительность от революции к революции сокращается на порядок. Данное сокращение компенсируется уплотнением количества изменений и ростом численности населения в мире.

Рис. 1.3. Структура производственных революций (фазы и их типы)

Шаг первый. На начальной (*инновационной*) фазе формируются авангардные технологии, распространяющиеся затем на другие общества и территории. Возникает первичная система нового принципа производства, которая длительное время сосуществует со старыми технологиями. Уже в ходе начальной фазы производственной революции возникает ряд моделей нового типа хозяйствования.

Шаг второй. Далее начинается фаза *модернизации*. В этой фазе возникают новые очаги «молодого» принципа производства, между ними происходит обмен достижениями в самой разной форме. В этот период производится масса улучшающих инноваций, в результате новый принцип производства достигает большей эффективности, производительности и системности. Важнейшим также становится процесс приспособления производственных достижений, возникших в одном месте, к иным условиям (примером может быть создание местных сортов растений и пород животных на базе заимствованных с других территорий в процессе аграрной революции)⁶. Возникают новые модели хозяйствования, в результате чего создаются условия для завершающего инновационного рывка. Также в этот период происходит мощная трансформация старых отношений, устраняются те из них, которые больше всего мешают развитию нового принципа производства.

Шаг третий. Переход к завершающей фазе производственной революции происходит нескоро. Это случается там, где удалось аккумулировать достижения разных моделей принципа производства, сформировался его наиболее перспективный вариант, где созданы благоприятные общественно-политические условия. В результате завершающей *инновационной* фазы производственной революции новый принцип производства достигает расцвета. По мере того как разворачивается завершающая фаза производственной революции, открывается, так сказать, «смысл» принципа производства, а также его огромные возможности, решительно расширяются его географические рамки за счет новых обществ.

Таким образом, цикл каждой производственной революции выглядит следующим образом (см. Рис. 1.3): *начальная инновационная фаза* (появление нового революционизирующего производства сектора) – *модернизационная фаза* (распространение, синтез и

⁶ Процесс, который по функциональности можно сравнить с процессом адаптивной радиации в рамках биологической макроэволюции после появления нового таксона.

улучшение новых технологий) – *завершающая инновационная фаза* (доведение потенций новых технологий до развитых характеристик). Каждая фаза производственной революции – очень значительный рывок в производстве (это хорошо видно из Табл. 1.1–1.3).

Схема фаз каждой из производственных революций представлена в Табл. 1–3. Обратим внимание, что названия фазам даны весьма условные.

Табл. 3.1. Фазы аграрной революции

Порядок фазы	Тип	Название	Даты	Изменения
Начальная	Инновационная	Ручного земледелия	12–9 тыс. л. н.	Переход к примитивному ручному (мотыжному) земледелию и скотоводству
Средняя	Модернизационная	Распространения с/х	9–5,5 тыс. л. н.	Появление новых одомашненных растений и животных, создание комплексного сельского хозяйства, появление полного набора сельскохозяйственных инструментов
Завершающая	Инновационная	Поливного и плужного земледелия	5,5–3,5 тыс. л. н.	Переход к ирригационному или плужному неполивному земледелию

Табл. 3.2. Фазы промышленной революции

Порядок фазы	Тип	Название	Даты	Изменения
Начальная	Инновационная	Мануфактурная	XV–XVI вв.	Развитие мореплавания, техники и механизации на основе водяного двигателя, развитие мануфактуры на основе разделения труда и механизации
Средняя	Модернизационная	Первичной промышленности	XVII – начало XVIII в.	Формирование комплексного промышленного сектора и капиталистического хозяйства, рост механизации и масштабов разделения труда
Завершающая	Инновационная	Машинная	1730–1830-е гг.	Создание секторов с машинным циклом производства и применением паровой энергии

Табл. 3.3. Фазы кибернетической революции

Порядок фазы	Тип	Название	Даты	Изменения
Начальная	Инновационная	Научно-информационная	1950-е–начало 1990-х гг.	Наука становится частью производства; автоматизация, искусственные материалы, космические технологии, электроника, ЭВМ
Средняя	Модернизационная	Цифровой электроники	1990–2020-е гг.	Мощное распространение, повышение качества и удобства электронных средств информации, связи и управления
Завершающая	Инновационная	(Само-)управляемых систем	2030–2070-е гг.	Прорыв в области влияния на человеческий организм, увеличение длительности и качества жизни, рост управляемости и самоуправления биологических, биотехнических, техносоциальных и иных систем

Объяснительные преимущества концепции

Принятие такой структуры производственных революций устраняет ряд серьезных трудностей, связанных с интерпретацией и периодизацией исторического процесса; они были обусловлены неверным представлением, что производственная революция не столь длительна, сложна и, по сути, имеет только одну фазу (см. подробнее: Гринин 2006г). Это давало основания утверждать, что на самом деле производственные революции и качественная трансформация обществ не связаны между собой. Например, Э. Геллнер считал, что для некоторых теорий особенно пагубным является слишком большой перерыв между переходом к производящему хозяйству, с одной стороны, и временем появлением государства – с другой (см.: Геллнер 1991: 240; Gellner 1984: 115). Дело, однако, в том, что сам Геллнер, как и многие другие (следуя традиции Г. Чайлда), аграрную революцию ассоциировал лишь с переходом к примитивному земледелию и скотоводству, то есть только с ее начальной инновационной фазой. Эта фаза никоим образом не могла привести к формированию государства (благодаря ей в обществе произошли другие очень значительные перемены, связанные с ростом численности населения, формированием нового типа коллективов, неравенства и социальной стратификации [см. подробнее *Главу 3*; см. также: Гринин 2009а; 2011а; Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2009; 2011]). Появление государства правомерно связывать только с завершающей фазой аграрной революции, а не с переходом к примитивному земледелию. В этом случае причинно-следственная зависимость становится вполне очевидной: в результате *завершения* аграрной революции возникает почти стабильный и значительный по объему добавочный продукт и новые ресурсы, благодаря которым общество может сформировать привилегированный слой воинов или управленцев, а также новую структуру власти (царскую или – реже – выборную), способную концентрировать эти ресурсы и создать центр силы в обществе (см. подробнее: Гринин 2011а).

В другом случае некоторые исследователи указывали на кажущееся отсутствие взаимосвязи между промышленной революцией и началом перехода к буржуазным отношениям в Европе XVI в. По их мнению, в данном случае отношения как бы обогнали производство, поскольку промышленный переворот произошел только в XVIII в. (см., например: Алаев 1989: 35). Если к этому добавить идеи М. Вебера о зарождении именно в этот период «духа капитализма», то есть рационализации в стремлении к прибыли на основе протестантизма (Вебер 1990), то на первый (однако ошибочный) взгляд как будто представляется возможным говорить о том, что появление капиталистического образа мысли предшествует самому капитализму. Здесь, как мы видим, произошла примитивизация представления о промышленной революции. Только на этот раз промышленную революцию «лишили» не завершающей, а, напротив, ее начальной фазы, проходившей в конце XV–XVI в. А если учитывать эту начальную фазу, то станет вполне очевидно, что формированию новых буржуазных отношений (и «духу капитализма») в Европе предшествуют глубокие изменения начала промышленной революции в XV–XVI вв. (см. *Главу 4*).

Использование выработанной нами трехфазной структуры производственной революции дает хороший инструмент для прогнозирования дальнейшего развития, в частности, кибернетической революции. Последняя, согласно нашей теории, должна в ближайшие десятилетия вступить в свою завершающую фазу. Более подробно о кибернетической революции мы будем еще говорить в *Заключении*.

2.2. Структура принципа производства

Итак, производственная революция – длительный процесс, который является неотъемлемой частью принципа производства, его первой по времени, функциональности и смыслу частью, в течение которой происходит возникновение и развитие нового принципа производства, а также изменяются социально-экономические отношения. Однако

такого двухтактного крупномасштабного деления принципа производства явно недостаточно для решения многих задач. Ведь если производственная революция состоит из трех фаз, то каждая из них соответствует трем первым этапам принципа производства. Зрелые этапы принципа производства также можно разделить на три этапа, если представить их в качестве перехода от зрелости к высокой зрелости и затем к формированию признаков, означающих появление несистемных (качественно более высоких) явлений. **Таким образом, принцип производства может быть представлен как особый цикл развития, состоящий из шести фаз:**

1. *Фаза начала производственной революции.* Формируется новый, еще неразвитый и неполный принцип производства.

2. *Фаза первичной модернизации/распространения и укрепления принципа производства.*

3. *Фаза завершения производственной революции.* Обретение принципом производства развитых характеристик.

4. *Фаза зрелости и экспансии принципа производства.* Широкое географическое и отраслевое распространение новых технологий, доведение принципа производства до зрелых форм, виток трансформаций в социально-экономической сфере.

5. *Фаза абсолютного доминирования принципа производства.* Окончательная победа принципа производства в мире, интенсификация технологий, доведение потенций до предела, за которым возникают кризисные явления.

6. *Фаза несистемных явлений, или подготовительный* (к переходу к новому принципу производства). Интенсификация ведет к появлению несистемных элементов, которые готовят рождение нового принципа производства (когда – при благоприятных обстоятельствах – эти элементы смогут сложиться в систему, в отдельных обществах начнется переход к новому принципу производства, и цикл повторится). Хронология этапов каждого из четырех принципов производства представлена в Табл. 4.

Для понимания особенностей цикличности принципов производства следует учитывать два момента:

1. Каждый последующий цикл принципа производства из-за ускорения исторического развития по времени короче предыдущего (см. Табл. 1.4).

2. В рамках каждого цикла принципа производства (и производственной революции) развитие в определенном аспекте идет однотипно, а именно: каждый этап в определенном цикле выполняет функционально сходную роль, кроме того, пропорции длительности как этапов, так и их комбинаций в каждом принципе производства остаются примерно одинаковыми (см. Табл. 1.4, см. в *Приложении 1* Табл. П1.5 и др.).

Табл. 3.4. Хронология этапов принципа производства

№ п/п	Принцип производства	1 этап	2 этап	3 этап	4 этап	5 этап	6 этап	Итого весь принцип производства
1	Охотничье-собирательский	40000–30000 (38000–28000 до н. э.)	30000–22000 (28000–20000 до н. э.)	22000–17000 (20000–15000 до н. э.)	17000–14 000 (15000–12000 до н. э.)	14000–11500 (12 000–9500 до н. э.)	11500–10000 (9500–8000 до н. э.)	40000–10000 (38000–8000 до н. э.)
		10	8	5	3	2,5	1,5	30

Окончание табл. 3.4

№ п/п	Принцип производства	1 этап	2 этап	3 этап	4 этап	5 этап	6 этап	Итого весь принцип производства
2	Аграрно-ремесленный	10000–7300 (8000–5300 до н. э.)	7300–5000 (5300–3000 до н. э.)	5000–3500 (3000–1500 до н. э.)	3500–2200 (1500–200 до н. э.)	2200–1200 (200 до н. э. – 800 н. э.)	800–1430 н. э.	10000–570 (8000 до н. э. – 1430 н. э.)
		2,7	2,3	1,5	1,3	1,0	0,6	9,4
3	Торгово-промышленный	1430–1600	1600–1730	1730–1830	1830–1890	1890–1929	1929–1955	1430–1955
		0,17	0,13	0,1	0,06	0,04	0,025	0,525
4	Научно-кибернетический	1955–1995/2000	1995–2030/40	2030/40–2055/70	2055/70–2070/90	2070/90–2080/105	2080/2105–2090/2115	1955–2090/2115
		0,04–0,045	0,035–0,04	0,025–0,03	0,015–0,02	0,01–0,015	0,01	0,135–0,160

Примечание. Цифра перед скобкой – абсолютная шкала (лет назад от современности), цифра в скобках – до н. э. (более подробную хронологию см.: Гринин 2006а; 2009а; Гринин, Коротаев 2009а; Grinin *et al.* 2020а; 2020б). Полужирным шрифтом обозначена длительность этапов (в тыс. лет). Длительность этапов научно-кибернетического принципа производства предположительная.

Факт существования устойчивых математических пропорций между длительностью фаз производственных революций (равно как и этапов принципов производства) очень важен, поскольку позволяет сделать некоторые осторожные прогнозы относительно будущего (в частности, в отношении длительности этапов научно-кибернетического принципа производства). Соответствующие расчеты и пояснения даны в *Приложении 1*.

В дальнейших главах первой части мы последовательно рассмотрим охотничье-собирательский, аграрно-ремесленный и промышленно-торговый принципы производства.

1. Некоторые замечания о проблеме законов социальной эволюции и исторического процесса

Проблемы анализа социальной эволюции и исторического процесса настолько тесно связаны с проблемой интерпретации общественных законов, что последние нельзя оставить здесь без внимания. Собственно, концепции всемирно-исторического процесса и возникли в связи с попытками открыть его главные закономерности. Многие исследователи полагали, что существует ведущая причина (фактор), которая определяет ход истории; она и составляет сущность основного общественного закона. Распространенными, начиная с А. Тюрго и Ж. Кондорсе (см., например: Тюрго [1776] 1961; Кондорсе [1795] 1995: 39), также были мнения, что прогресс имманентен обществу, а движение к нему составляет смысл истории и ее универсальный закон (см. об этом, например: Nisbet 1980). Прогресс, непрерывно и неуклонно идущий из глубины веков, стал «богом» многих социальных мыслителей (Парсонс 2000: 44; см. также очень характерные примеры подобных высказываний в знаменитой книге Л. И. Мечникова [1995: 237]).

Поэтому проблемы движущих сил эволюции, истории и прогресса оказались тесно связанными, а в некоторых теориях главный фактор эволюции и критерий прогресса прямо совпадали. Однако законы истории и до сих пор понимаются – причем как сто-

ронниками, так и противниками их наличия – чаще всего именно в классическом объективистском или эссенциалистском, по К. Попперу, плане (см., например: Поппер 1983: 299–306), то есть как всеобъемлющие, абсолютные и непреложные, проистекающие из некоей предвечной сущности⁷. А отсюда рождалось и обманчивое убеждение, что «между природой и знанием существует полное совпадение» (см.: Bunzl 1997: 105). Поэтому решение поднятых в монографии проблем вряд ли возможно без того, чтобы не затронуть проблему общественных законов и их трактовки (см. подробнее: Гринин 1997a, 2006o, 2007н; Коротаев 2003; Гринин, Коротаев 2007e).

Абсолютно неправильно рассматривать законы (тем более общественные) как некую особую силу, которая проявляется одинаково и инвариантно во всех ситуациях, «с железной» или «неумолимой» необходимостью; думать о них как о некоей «предвечной сущности» или полагать, что «существуют вечные сами по себе, по своему внутреннему значению, ненарушаемые и неизменные законы общественной жизни, которые одни лишь определяют сохранение и развитие этой жизни» (Франк 1992; см. также примеры подобных взглядов в работе Э. Нагеля [1977: 94–95]).

Все это уходит корнями в период неразвитой науки, которая представляла законы как нечто такое, что запрятано под оболочкой явлений и к чему необходимо пробиться. Г. Башляр отмечал по этому поводу, что наука прошлого была устремлена на овладение (в смысле познания) реальностью, трактуемой как внешний объект, как «вещь», скрытая от человеческого взора броней «явлений». К ней, этой глубокой реальности, нужно было прорваться (в той мере, в какой это вообще возможно), раскопать ее под грудой явлений (см.: Башляр 1987: 17–18). А. Уайтхед подчеркивал: «Спекулятивная философия во многом исходила из того, что необходимость в универсальности означает, что во Вселенной имеется сущность, не позволяющая какие-либо взаимоотношения вне ее самой, что (в противном случае) было бы нарушением ее рациональности. Спекулятивная философия как раз и разыскивает такую сущность» (Уайтхед 1990: 273). К сожалению, в нашей философии истории нечто подобное ищут и до сих пор⁸. Объективизм и имманентная вера в то, что законы природы и общества «существуют» как-то отдельно и сами по себе, выражаются даже в часто встречаемых формулировках вроде: «Общее представлено законом, которому эти явления *подчиняются*» (Кедров 2006: 27). Тогда как гораздо корректнее было бы сказать: «Общее представлено законом, которым эти явления описываются или объясняются». (Анализ и критику в отношении идеи «управляющих законов» применительно к социальной реальности [*social world law-governed*] см., например: Little 1993.) Мы не говорим уже об очень частой ситуации, описанной С. Вайнбергом (2007: 26), когда мы и можем утверждать, что какой-то факт объясняется некоторым принципом, но не в силах вывести этот факт из данного принципа.

Конечно, гносеологические причины сложностей в использовании понятия «закон» лежат уже в двусмысленности и многозначности самого этого слова. В частности, исторически сложилась неудачная традиция обозначать одним словом юридические нормы и открываемые наукой важные причинные связи природной и социальной действительности, что порождает (обычно даже подсознательно) тенденцию трактовать последние по аналогии с первыми. Сложности в использовании понятия «закон» характерны не только для социальных, но и для естественных наук. Р. Карнап (1971: 277), например, писал:

⁷ В отечественной философии даже среди тех, кто выступает с аргументированной критикой идеи направления, которое раньше называлось диалектическим и историческим материализмом, такие взгляды на природу законов все еще очень распространены (см., например: Хоцей 1999–2000; Жданко 2002–2003). Распространены они и среди западных философов, в том числе и тех, кто критикует детерминистов (см., например: Данто 2002: Глава 11; Мизес 2001).

⁸ С другой стороны, выявился довольно странный и внутренне противоречивый подход, который одновременно считает, что есть некие управляющие законы, определяемые сущностями, то есть по идее неизменяемыми вещами. Но сами сущности трактуются как достаточно подвижные и изменяющиеся (см.: Розов 2007a, 2007b). Критику такого подхода см.: Гринин 2007и.

«Может быть, было бы меньше неясности, если бы слово “закон” вообще не употреблялось в физике. Оно продолжает употребляться потому, что не существует никакого общепотребительного слова для универсальных утверждений, которые ученые употребляют в качестве основы для предсказания и объяснения»⁹.

Под **научным** законом можно полагать некое утверждение, созданное на основе обобщения множества фактов или более или менее сходных случаев, объединенных общими подходами, выводами, логикой, правилами соответствия и интерпретации. Таким образом, в нашем понимании, *научный закон есть* особым образом оформленное утверждение о том, что нечто произойдет (или не произойдет) с той или иной степенью полноты при строго оговоренных условиях.

Стоит подчеркнуть, что речь идет не о том, что нечто произойдет неизбежно, то есть вопреки всему, а что оно произойдет неизбежно только в одном смысле, а именно: только если лишь настолько, только там и только тогда, насколько, где и когда совпадут все необходимые для его совершения условия. Между тем если для одних случаев совпадение таких условий происходит регулярно и часто, то для других – весьма редко, причем сложно предсказать, когда это случится; для третьих же такое совпадение условий оказывается редчайшим, порой совершенно уникальным и исключительным случаем. Естественно, что и сам характер законов и предсказательная сила знания о них будут различаться колоссально, принципиально. Иными словами, чем труднее определить необходимые условия для того, чтобы появился результат, указанный в описании научного закона, и чем реже совпадают такие условия, тем слабее предсказательная сила таких утверждений. Это уточнение помогает понять разницу в применении законов для анализа в отношении: а) обычных явлений и процессов; б) принципиально новых (ароморфных) эволюционных явлений и процессов. Если первые происходят часто, и поэтому такое совпадение условий можно предсказать и рассчитать, то для ароморфных трансформаций, открывающих новый виток развития, такое совпадение в каком-либо месте и времени всегда есть ситуация уникальная и крайне редкая, поэтому практически непредсказуемая.

Это очень важно для понимания рассматриваемой темы, поскольку хотя и можно говорить о качественных эволюционных рывках (ароморфозах) как о законах, но непременно оговаривая, что такие законы качественного развития по типу принципиально отличаются от обычных классических законов. Классическими законами мы будем называть такие научные законы, которые описывают регулярно повторяющиеся процессы, результаты которых не ведут к важным (то есть неизвестным ранее) качественным изменениям (см. подробнее: Гринин 1997а)¹⁰. Хорошим примером таких законов в истории могут быть закономерности, описывающие социально-демографические циклы в аграрных обществах, достаточно подробно изученные в научной литературе (см., например: Usher 1989; Goldstone 1991; Chu, Lee 1994; Малков 2002, 2003, 2004: 118–139; Малков С., Ковалев, Малков А. 2000; Малков и др. 2002; Малков С., Малков А. 2000; Малков, Сергеев 2002, 2004а, 2004б; Малков, Селунская, Сергеев 2005; Неведов 2002а, 2002б, 2005; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003, 2005а, 2005б; Nefedov 2004; Turchin, Korotayev 2006; Неведов, Турчин 2007; Турчин 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Малков 2014; Korotayev 2017 и т. д.).

⁹ А. Уайтхед (1990: 508) отмечал, что «можно вычленил четыре основные концепции Законов Природы: доктрина, согласно которой Закон есть нечто имманентное самим объектам; доктрина, по которой Закон навязывается объектам; концепция, утверждающая, что Закон есть наблюдаемый порядок явлений, иначе говоря, Закон как простое описание; наконец, более позднее представление о Законе как об условном (то есть конвенциональном. – *Авт.*) истолковании».

¹⁰ Такими классическими законами является большинство физических законов, включая закон всемирного тяготения. Эти различия между повторяющимися и уникальными явлениями хорошо подмечены синергетикой. Как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» (Пригожин, Стенгерс 2000: 21).

В ходе таких циклов численность населения сначала относительно быстро (хотя и все замедляющимися темпами) возрастает, пока экологическая ниша не заполняется до критического уровня и этот рост не начинает превышать возможности производства (при данном уровне технологического развития) в достаточной степени обеспечить население необходимыми жизненными ресурсами. В результате начинаются кризисные явления, связанные с перенаселением (как с общим перенаселением, так и с перепроизводством элиты), что в конце концов заканчивается социально-демографическим коллапсом. Последний приводит соотношение численности населения (а также численности элиты) и ресурсов к такой пропорции, что экологическая ниша оказывается вновь незаполненной. Затем социально-демографический цикл начинается снова. Но в обычном своем протекании он сам по себе не несет каких-то последствий, которые бы радикально изменили условия функционирования общественного организма. Еще более нагляден в этом плане (и потому в известной мере тривиален) пример регулярного годового хозяйственного цикла, который организует жизнь любого общества, и этот цикл может повторяться из года в год без больших потрясений и значимых качественных изменений. Именно такого рода закономерные явления легко предсказывать (например, сокращение производства молока в скотоводческих хозяйствах пояса умеренного климата в зимние месяцы).

В рамках годовых и более коротких периодов мы имеем дело с функциональным развитием, то есть (в отличие от эволюционного развития) идущим в соответствии с достаточно четким социокультурным алгоритмом, зафиксированным как в нейронных сетях индивидов, так и на внешних носителях разной природы (последнее обеспечивает устойчивость воспроизводства системы, если участвующие в ее воспроизводстве индивиды забудут какие-то важные участки данного алгоритма).

Это относится и к современной динамичной жизни. Вспомним, что между 5 и 11 часами утра любой современный город претерпевает колоссальные изменения – население, рассредоточенное по «спальным районам», где оно занималось вполне однородной деятельностью, характеризующееся крайне слабой интенсивностью связей между его элементами (индивидами), за один-два часа радикально перегруппировывается, перемещаясь в крайне разнородные центры производства товаров и услуг, которые начинают функционировать, устанавливая между собой (и внутри себя) самые интенсивные и разнообразие связи. Однако в результате описанного выше процесса город в 11 часов утра во вторник окажется, как правило, во всех основных своих характеристиках практически идентичным тому, каким он был в 11 часов утра в понедельник¹¹.

Иное дело – эволюционно эпохальные события. Они случаются так редко, что мы обычно не знаем даже главных условий, необходимых для их совершения. Но если мы даже будем точно знать, при каких именно условиях зародилась жизнь на Земле или появился человек разумный, это не значит, что данные события повторятся. Слишком исключительные условия требуются для этого. С другой стороны, это не значит, что данные события были только случайными. Нет, в особом смысле их вполне можно считать закономерными, но для этого целесообразно относить их к тому разряду редких качественных эволюционных рывков, которые совершаются только при совпадении уникальных условий. Таким образом, необходимо более определенно разобраться, что продуктивно понимать под законом (см. подробнее о типах законов: Гринин 1997a)¹².

¹¹ А в 11 часов утра в данное воскресенье – тому, что наблюдалось в 11 часов утра в предыдущее воскресенье, в последнем случае мы уже, кстати, имеем дело с не столь уж естественно обусловленным недельным циклом.

¹² Разделение законов на «управляющие» (*law-governed*) и «феноменальные» (*phenomenal*), то есть проявляющиеся в виде регулярно повторяющихся и значительно сходных явлений и событий, делает Д. Литтл. Он считает, что феноменальные законы зависят от особенностей поведения индивидов в рамках специфическо-

Прежде всего нам кажется, что корректнее говорить только о *научных* законах, объясняющих явления общества и природы, как и делают многие философы (см., например: Маркович 1993: 9–17). Проблема же с определением того, что называют *объективными законами общества (и природы)*, в том, что здесь невозможно уйти от дуализма объективной реальности и человеческого познания. Иными словами, формулировки (а значит, во многом и смысл, и, если угодно, суть) законов не могут быть полностью объективными, поскольку любая формулировка человеческого ума «обусловлена историческими обстоятельствами, а субъективно – телесным и духовным состоянием своего создателя» (Маркович 1993: 9). Парадокс заключается в том, что чем сильнее мы пытаемся отказаться от этого сопоставления в пользу объективности, тем сильнее впадаем в идеализм. Поэтому В. И. Власюк (1993) имел веские основания дать своей монографии название «*Идеализм современного материализма*».

Да, говорить о законах как о некоей объективной реальности можно. Но только в том плане, что определенные объекты и явления в мире и обществе находятся в таком более или менее сложном взаимодействии друг с другом и с собственной структурой, что познающий субъект способен заметить в этом взаимодействии некий «порядок», обнаружить у объектов определенные общие свойства, причинно-следственные связи и т. п.

П. Бергер и Т. Лукман удачно сформулировали отношение к объективности мира для подобных философских ситуаций: «Для наших целей достаточно определить “реальность” как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем от них “отделаться”), а “знание” можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» (Бергер, Лукман 1995: 9).

Однако в целом объективный мир, как он существует, во многом являет противоположность тому содержанию, которое вкладывается в понятие законов. Ведь, с одной стороны, в мире все дискретно (то есть в нем нет неких всеобщих законов, а есть только отдельные объекты и явления), а с другой – мир есть нечто неразрывное и безграничное, тогда как в понятии закона сепарируется, очищается, отделяется от остальных определенная связь (то есть налицо чистая абстракция, никогда не имеющая места в реальности). Поэтому в определенном плане вполне оправдано мнение, согласно которому объективных законов, то есть законов в онтологическом смысле и тем более существующих отдельно от явлений, в природе нет. Они существуют только «субъективно-реально и отражают не законы природы и общества, а объективные связи явлений действительности. Законами природы и общества могут быть только законы-знания. Исчезнет человек, носитель законов, – вместе с ним исчезнут и законы, останутся лишь объекты материального мира, определенным образом взаимодействующие друг с другом» (Власюк 1993: 97, 99).

Книга А. Пуанкаре *Последние мысли* открывается очень показательным экскурсом, хорошо иллюстрирующим невозможность выбраться из логических противоречий при исходной посылке, что законы природы имеют онтологический характер (то есть реально, независимо, объективно существуют). Пуанкаре упоминает, что философ Бутру задает такой вопрос: не подвержены ли изменениям законы природы? Возможно ли, чтобы весь мир непрерывно эволюционировал, а сами законы, то есть правила, по которым эта

го социального порядка. Можно наблюдать, как они проявляются в определенных явлениях, но нельзя считать, что они управляют событиями. И даже в сравнении с типичными феноменальными регулярностями в природе они действуют значительно слабее (Little 1993). Это различие, однако, в нашем понимании, есть уже деление на подтипы законов внутри одного большого типа, поскольку и управляющие, и феноменальные законы относятся к повторяющимся, то есть, в нашей терминологии, к классическим (см. подробнее: Гринин 1997а). А эволюционно эпохальные события относятся к законам появления нового или, можно сказать, к законам формирования ароморфозов. Разделение на классические законы и законы формирования ароморфозов мы считаем важнейшим для понимания хода эволюции и в особенности макроэволюции.

эволюция совершается, одни оставались неизменными? (На наш взгляд, вопрос весьма коварный, напоминая тот, который задавали гимназисты преподавателю Закона Божьего: «Если Бог всемогущ, может ли он создать такой камень, который и сам бы не мог поднять?») И далее сам Пуанкаре с тонкой иронией замечает: «Ученые, конечно, никогда не согласятся с тем, что законы могут быть подвержены изменению; в том смысле, в каком они понимали бы эту идею, они не могли бы признать ее, не отрицая законности и даже возможности науки. Но философ может с полным правом поставить такой вопрос, рассмотреть различные решения, им допускаемые, и заключения, к которым они приводят...» (Пуанкаре 1990: 525). А. Уайтхед недвусмысленно писал по этому поводу, что «должно быть отброшено представление о вселенной как о том, что развивается по одним и тем же вечным законам, определяющим собой поведение любого объекта» (Уайтхед 1990: 510).

Таким образом, налицо дуализм, заключающийся в том, что реальность объективна, а познание и формулировки законов в той или иной степени всегда субъективны (есть результат познания). Исходя из сказанного, нам кажется, что **законом природы и общества вполне можно считать условно выделенные в процессе анализа часть, сторону, аспект и т. п. целостной реальности, у объектов и явлений которой в данных границах мы обнаруживаем определенные общие свойства, причинно-следственные связи и т. п. При этом важно иметь в виду, что любой научный закон – это условно выделенные в процессе анализа часть, сторона, аспект и т.п. целостной реальности, в рамках которой сделаны соответствующие обобщения.** Но, разумеется, не всякие условно выделенные в процессе анализа часть, сторону, аспект и т.п. целостной реальности можно считать научными законами.

При таком подходе, то есть допущении, что закон есть особого рода обобщение в рамках **условно выделенной части реальности**, многие гносеологические и теоретические трудности снимаются. Так, если сама реальность независима от сознания, то выделение некоего ее сектора или участка всегда более или менее условно, а, следовательно, больше или меньше зависит от познающего субъекта, уровня знаний, интереса, научной задачи и т.п. Налицо также возможность выделить (опять-таки условно) множество уровней и аспектов, охватываемых разными законами, но в которые включены те же самые объекты и явления¹³. Заметим также, что эта условность деления неделимого ведет к неизбежным натяжкам, спорным и пограничным случаям. Рано или поздно неточности и неверности в определении «зоны действия» закона становятся очевидными. Собственно, критика общественных законов чаще всего и происходит с позиции неправомерности их «притязаний» на «чужую территорию», с позиции несоответствия между реальным и декларируемым «полем применения». Сказанное (плюс то, что каждый исследователь может по-своему видеть границы и аспекты анализируемого материала) достаточно хорошо объясняет, почему возможны альтернативные варианты формулирования законов, особенно в общественных науках, а также почему «нельзя ожидать точного совпадения природы с каким-либо законом» (Уайтхед 1990: 509). «Судьба ньютоновской физики напоминает нам о том, что главные научные принципы развиваются и что их исходные формы могут сохраняться только благодаря интерпретациям значения и ограничениям поля их применения – тем интерпретациям и ограничениям, которые оставались незамеченными в первый период успешного применения научных принципов» (Уайтхед 1990: 282). В целом законы, как и модели и теории, являются сложными символическими репрезентациями внешнего мира, причем в отношении некоторых (в частности особенно некоторых общественных) законов можно использовать мысль М. Вартофского (1988) в

¹³ «...Если предположить, что природная среда – это совокупность определенных объектов, характер которых может быть понят нами только частично, то из этого следует, что нам известны только некоторые законы, действующие в этой среде» (Уайтхед 1990: 510).

отношении моделей, что они являются одновременно и репрезентацией познающего субъекта, в частности автора законов.

Наша идея о том, что закон есть обобщение в рамках условно выделенной части реальности, вполне соотносится со взглядами ряда крупных авторитетов XX века в области эволюционной эпистемологии, например К. Лоренца (1903–1989), австрийского зоолога, одного из основателей этологии, лауреата Нобелевской премии 1973 г. Исходные принципы своей эволюционной эпистемологии, он сформулировал в статье «Кантовская доктрина *a priori* в свете современной биологии», опубликованной в 1941 г. (Lorenz 1941, 1962). Для темы этой главы, где сравнивается биологическая и социальная макроэволюции, излишне будет отметить, что в этой статье К. Лоренца была предпринята чрезвычайно интересная попытка прояснить фундаментальные эпистемологические вопросы на биологической основе, и она вызвала большой интерес и многочисленные обсуждения (см., например: Садовский 2000). Эволюционная эпистемология К. Лоренца по своему существу является нефундаменталистской гносеологической концепцией, в которой признается принцип фаллибилизма, то есть неистинности, принципиальной погрешимости знания. Это прежде всего относится к научному знанию, выходящему за пределы повседневного опыта, – в этой сфере сформировавшийся у человека когнитивный аппарат не прошел эволюционного отбора и не способен быть регулятором когнитивной деятельности (см.: Садовский 2000; анализ эпистемологических взглядов К. Лоренца см. также: Роррег 1984; Поппер 2000в; Кэмпбелл 2000; Campbell 1974).

Идея о «принципиальной погрешимости научного знания» (даже в ослабленном виде и с учетом вполне разумной критики), тем не менее, логически приводит к идее о том, что научные законы не могут стопроцентно адекватно объяснить явления, что они в большей или меньшей степени (в социальных науках – в большей) приближительны, тем более, когда речь идет о законах, объясняющих редкие и уникальные события. Указанное свойство «принципиальной погрешимости знания» так же вполне логично соотносится с выводом, который сделал крупнейший представитель эволюционной эпистемологии XX в. Карл Поппер (1902–1994), а именно, что наука развивается путем исключения гипотез методом проб и ошибок (см., например: Роррег 1990; Поппер 2000а, 2000б; Садовский 2000). То есть в нашем примере, уточнение закона происходит путем все более точного подбора субъективных средств познания к объективной реальности, но при этом сам закон все равно в большей или меньшей степени остается в рамках условно выделенной части реальности (пригодной для решения определенных научных задач, хотя бы эти задачи и были исключительно универсальными). Вот почему нередко говорят, что все научные законы являются не более чем пока не опровергнутыми гипотезами (при этом мы можем быть уверенными, что часть из них так никогда и не будет опровергнута, но мы не можем столь же уверенно сказать, какая именно часть)¹⁴.

Н. Решер в своей книге *Peirce's Philosophy of Science*, опубликованной несколько лет спустя после известных дискуссий вокруг попперовской философии науки, считает, что модель научного исследования, предложенная Поппером, включает, помимо вышеуказанного положения, еще два основных утверждения (Rescher 1978; Решер 2000; см. также: Садовский 2000):

1. По каждому конкретному научному вопросу в принципе возможно бесконечное¹⁵ число гипотез.

¹⁴ Следует добавить, что согласно идее Д. Кэмпбелла (Campbell 1974; Кэмпбелл 2000), с которой был согласен и К. Поппер (Роррег 1974; Поппер 2000б), процесс построения новой теории следует трактовать даже не как случайный, а как слепой поиск. Иными словами, подбор все более точного соответствия наших формулировок реальности идет нередко на ощупь, трудно, и практически постоянно поиск способен увести в сторону и т.п. (свидетельство чему – альтернативные гипотезы, дискуссии, пересмотр взглядов, возврат к старым идеям и т.п.); в этом смысле закон можно трактовать как условно выделенный аспект реальности, границы которого могут очень долго уточняться и корректироваться, пока не удастся добиться наиболее удачного соответствия.

¹⁵ Точнее говоря, безграничное.

2. Процесс исключения гипотез методом проб и ошибок (то есть индуктивно) слеп: человек не обладает индуктивной способностью отличать хорошие гипотезы от плохих – отличать многообещающие гипотезы от малопродуктивных, внутренне более правдоподобные от менее правдоподобных, словом, нет никаких причин считать, что предлагаемые или рассматриваемые гипотезы в чем-то превосходят остальные. На каждом этапе мы вынуждены слепо, на ощупь выбирать среди возможных вариантов.

Как нам кажется, второй пункт достаточно хорошо объясняет, почему так трудно увидеть наиболее удачную формулировку закона в социальных науках, где нет возможности опытным путем проверить его, почему там долго сохраняются в «научном обращении», мягко сказать, весьма странные постулированные «законы»/гипотезы. Что же касается первого пункта, то он наглядно показывает, насколько условным может быть выделение реальности, хотя, естественно, на практике выбор очень сильно ограничен как иногда бросающимися в глаза объективными связями и результатами, так и традицией и научными задачами. Однако данный постулат К. Поппера (по Н. Решеру) хорошо соответствует на первый взгляд парадоксальной идее в области эпистемологии, высказанной одним из авторов монографии: число *научных* законов (даже главных) принципиально неограниченно. Следовательно, установка, что можно открыть один или несколько главных законов, определяющих характер действительности, принципиально неверна, причем не только для универсума, но даже для любой ограниченной сферы исследования. *Поскольку универсум мы можем постичь не тотально, а лишь в частностях, а реальность этого универсума безгранично многообразна и многоаспектна, ее можно исследовать в самых разных комбинациях, то и число комбинаций по условному выделению таких частей реальности в принципе неограниченно. А это приводит к логическому заключению, что и число аспектов такого анализа, а следовательно, и законов, теоретически так же безгранично, как безгранична сама постигаемая реальность. Разумеется, на практике мы встречаем весьма жесткие ограничения, которые резко ограничивают число приемлемых для нас формулировок. Но в любом случае – и это наиболее важный момент – количество ведущих законов в любой сфере исследования – это открытая система с неопределенным числом членов* (см.: Гринин 1998б: 35–37)¹⁶. Поэтому мы встречаемся тут с неким парадоксом: с одной стороны, основной закон может охватывать огромную часть реальности, а с другой – рядом с ним имеется безграничное количество такого же уровня законов. Наглядно это можно представить на модели окружности, которую пересекает *бесконечное* число линий, но при этом каждая такая линия *полностью* пересекает окружность (см. подробнее: Гринин 1998б: 26–51). В качестве примера открытой системы основных правил и законов можно привести эволюционную биологию, количество различных наиболее общих правил (законов) в которой уже исчисляется десятками и постоянно увеличивается (см., например: Раутиан 1988, 2006; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

2. О движущих силах социальной эволюции и исторического процесса

Вопрос о движущих силах, благодаря которым социальная эволюция и исторический процесс не просто развивались, но и постоянно ускорялись, всегда вызывал интерес обществоведов. И если сегодня интерес к этому ослаб, то это связано вовсе не с тем, что проблема решена, а с общим кризисом общественной науки, лишенной стержневых парадигм и отданной на откуп постмодернизму. В любом случае писать исследование о социальной эволюции, игнорируя проблему ее движущих сил, было бы nonsensum.

¹⁶ Согласно правилу математики, в бесконечном ряду чисел бесконечно и количество чисел, имеющих какие-то особые свойства. Например, хотя количество чисел, делящихся нацело, скажем, на пять, в пять раз меньше общего количества целых чисел, тем не менее, и оно бесконечно. Аналогичным образом, если число законов безгранично, то и **число главных законов**, хотя их и меньше, чем всех, **в принципе безгранично**.

3. Движущие силы исторического развития

3.1 Постановка проблемы

На протяжении многих десятилетий философы и ученые пытались выявить силы или их комбинацию, которые определяют ход истории в любой ее момент. Жизнь показала, что это непосильная задача. Поэтому основные философские течения просто стали отказываться от понятий «движущие силы истории», «законы истории», «прогресс». И в результате сегодня большинство историков, включая даже весьма крупных, вопрос о том, могут ли быть открыты законы истории, не волнует вовсе (О'Брайен 2002). Однако игнорирование указанных проблем не снимает вопросов ни о степени значимости различных факторов в историческом развитии, ни о направлении этого движения, ни о многих других, не только не надуманных, но, напротив, и теоретически, и методологически очень важных вещах. Между тем удовлетворительной теории факторов (или движущих сил) истории фактически так и не создано до сих пор¹⁷.

Разумеется, теории постоянно усложнялись: вводились комбинации факторов, сами причины развития стали представлять сложным процессом. Еще Огюст Конт отмечал среди общих причин и такие, «которые модифицируют существенную скорость социального развития». Но в целом надежда найти главные причины и законы истории продолжала жить. По мере того, как это становилось все более сомнительным, усиливались позиции плюралистов, полагающих, что развитие надо объяснять совокупным сочетанием многих факторов, «из которых каждый так или иначе связан с массой остальных» (М. М. Ковалевский, цит. по: Сорокин 1992а: 522)¹⁸.

В XX веке история продолжала быть вовлечена «в движение, подобное движению маятника: в течение какого-то периода она пыталась точнейшим образом узнать свое прошлое, затем, наоборот, она стремилась понять законы своего развития, чтобы потом вновь вернуться к своей первой задаче» (Дьюбок 1970: 3). Очень влиятельным стал системно-структурный метод, который позволил во многом по-новому увидеть взаимоотношения частей внутри общества, причины как стабильности, так и развития обществ и т. д.

Однако в целом в западной науке усилились боязнь или неприятие глобальных обобщений. В результате существенно уменьшился по сравнению с прошлым интерес к проблемам движущих сил (особенно сквозных), хотя отдельные аспекты в этом плане активно исследовались, например экономические и демографические макроциклы, динамика развития крупных историко-географических систем (мир-системный анализ) и др.

Многофакторность, бесспорно, гораздо лучше однобокости, поскольку не давит на исследователя и дает некое подобие теории: с одной стороны, признаются важность многих движущих сил и отсутствие среди них самой главной, с другой – возможность в том или ином контексте принять за главную почти любую из них или особую их комбинацию. Но это единство не имеет, фигурально говоря, крыши, то есть не обобщено на самом высоком уровне, а значит, нечетко, аморфно, расплывчато. И если такие подходы могут быть достаточными при исследовании отдельных не слишком больших периодов истории, то они становятся малопригодными или даже бесполезными при анализе исторического процесса в целом. Не этим ли, в том числе, объясняются малые успехи запад-

¹⁷ Тем не менее следует отметить интересные работы некоторых историков. В частности, стоит указать работы С. А. Нефедов (2003; 2005, 2007), однако создается впечатление, что ему все же полностью не удалось избежать преувеличения роли демографического фактора.

¹⁸ К числу сторонников этого течения принадлежало немало социологов, работающих в ряде отдельных социальных дисциплин, а равно и теоретиков общей социологии. К этой категории относились: Дюркгейм, Леви-Брюль, Парето, Эллвуд, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др. По определению Сорокина, все они смотрели на историческое явление не как на уравнение с одним неизвестным, а как на уравнение со многими неизвестными, которые невозможно решить с помощью одного фактора (Сорокин 1994: 188).

ной науки в разработке теории исторического процесса в целом и в частности его периодизации?¹⁹ «Одна из неизменных слабостей американского “обществоведения” – с тех пор, как оно стало эмпиричным, – заключается в его исходном убеждении, что простое перечисление множества причин и факторов представляет собой мудрый, научный подход к изучению современного общества. Однако с таким подходом нельзя согласиться, – он представляет собой, конечно, не что иное, как всеядный эклектизм, *уклоняющийся от подлинной задачи социальной теории*», – справедливо отмечал известный американский социолог Райт Миллс еще в 1956 г. (Миллс 1959: 334, Mills 1956: 245; выделено мной. – Л. Г.). Стоит добавить, что такой же подход применялся не только к изучению современного общества, но и к проблемам движущих сил развития, а также к большинству проблем теории истории вообще. И – самое главное – за прошедшие полвека положение серьезно не изменилось, уклонение от подлинной задачи социальной теории продолжается, обретая новые, неизвестные еще Миллсу формы отрицания даже ценности самого исторического исследования.

К сожалению, наше общественное сознание теперь повторяет ошибки зарубежной науки в отношении скептицизма и игнорирования общей теории. Такая реакция на догматизм и объективизм вполне понятна. Но, думается, это путь в тупик. Миллс считал, что подлинная задача социальной теории заключается в том, чтобы выйти за пределы простого перечисления относящихся как будто к делу факторов и взвесить каждый из них таким образом, чтобы уловить их взаимную связь и обнаружить типические особенности изучаемых явлений (Миллс 1959: 334–335; Mills 1956: 245). Это правильно, но, нам думается, не менее важной задачей является построение иерархии факторов и причин для каждой «системы координат», то есть для каждой крупной научной задачи, благодаря которой только и могут быть уловлены более точно причины и направление процесса развития в каждый его важный момент.

3.2. Пути решения проблемы

Нам кажется, что в целом проблему анализа движущих сил исторического развития можно сформулировать следующим образом: **как возможно объединить в одну концепцию огромное разнообразие длительных и кратких, глобальных и локальных, объективных и субъективных причин, чтобы она не давала априорных ответов на конкретные вопросы и в то же время позволяла построить иерархию движущих сил, а также помогала искать решение многих теоретических и практических задач?** Далее мы попытаемся наметить некоторые принципы решения такой проблемы.

Для того чтобы не отказаться от очень важной и продуктивной идеи единства исторического процесса и в то же время не впасть в схематизм и однобокость, надо попытаться применить методологический *принцип дополнительности*, сформулированный Нильсом Бором, то есть разработать методики построения концепций, которые позволяли бы объединить разные подходы.

Основная идея этого совмещения нам видится в том, что хотя нельзя говорить о преобладании всегда или в основном одного фактора, но можно выделять для достаточно широких теорий или задач *относительно* более важные. Однако лишь в качестве общего принципа и в строго очерченных самим теоретиком границах применения

4. О понятии движущих сил и их типологии

Движущие силы исторического развития – это представление о причинах, которые непосредственно или в конечном счете ведут или могут вести к качественным из-

¹⁹ В частности, многие периодизации не имеют четких критериев, либо эти основания эклектичны и меняются от этапа к этапу (например: Green 1995), либо ученые по-прежнему просто ориентируются на схему: древность – средние века – Новое время (см.: Green 1992). При этом многие ученые вообще не задумываются о связи периодизации и концепций (см. об этом: Stearns 1987; Bentley 1996), либо периодизация используется как своего рода заставка для основной концепции (например: Toffler 1980).

менениям в обществах, их элементах и межобщественных явлениях. Стоит обратить внимание, что речь идет об изменениях самого разного плана. К движущим силам можно отнести не только прямые технологические, структурные или реформистские изменения, но и, например, медленный, почти незаметный количественный рост, который в конце концов приведет к качественным переменам, или разрушение, которое расчищает место для нового цикла роста²⁰.

Для перехода возможности в действительность нужны: 1) сами потенциалы; 2) причины, создающие сдвиг, кризис и т. п.; 3) соответствующая реакция на возникшие обстоятельства. Арнольд Джозеф Тойнби (1991) называл эту ситуацию «вызов – ответ». У него есть и еще одно образное выражение: «огниво и камень» (Тойнби 1995: 25). Но решение проблемы на этом, естественно, не заканчивается, а лишь начинается. Почему дается разный ответ на сходный вызов? И не бывает ли так, что ответ уже во многом предопределен? В результате напрашивается вывод о том, что подобно тому как из одних и тех же человеческих генов при разной комбинации рождаются люди совершенно разных способностей, так и в обществах при потенциально одинаковых возможностях рода человеческого возникают такие особенности, которые в одних случаях (в большинстве) не могут дать качественного развития, а в других – способны на это. Иными словами, необходимо определить, в чем состояла такая особенность, незаметная долгое время, но сыгравшая важную роль. Если же еще добавить к этому массу всякого рода вещей (контакты, случайности, условия среды, опыт, приобретенный за счет других, наличие того, что называется субъективными предпосылками и пр.), то станет ясно, насколько сложен процесс превращения потенциальных движущих сил в реальные. Причем появление нового явления, института или феномена рождает и новые потенциалы. Так, возникновение государств создает огромные возможности в регулировании общественной жизни; изобретение письма открывает перспективы развития общественного сознания и т. п.

В зависимости от масштаба исследования движущая сила может предстать как локальная, то есть действующая только в определенный период или в отдельных местах, или как действующая на протяжении всего исторического процесса (мы назвали такие движущие силы **сквозными**)²¹. Так, исчезновение крупной дичи или засоление почв, изобретение лука или бумаги – это локальные причины изменений в отдельных обществах определенных периодов, а изменение природной среды или развитие производительных сил – глобальные, сквозные. Конечно, можно ограничиться более ясными, конкретными, но и более локальными (по времени или территории) причинами, однако очевидно, что анализ исторического процесса сложно вести, если не применять, как мы его назвали, **метод сквозных движущих сил**.

Но принятие этого метода требует разработки и соблюдения строгой методологии. Прежде всего, тут подстерегает весьма распространенная ошибка полагать, что действие этих факторов «постоянно, равномерно и однонаправленно в течение всего периода функционирования»²². На самом деле такая социальная энтропия не может объяснить

²⁰ Кроме полезных (относительно развития), могут быть также вредные или безразличные изменения. Их можно назвать **неразвивающимися**. И хотя в этом исследовании речь идет, прежде всего, о качественном развитии, о них также нельзя забывать, иначе трудно понять причины застоя, упадка, регресса.

²¹ А. П. Назаретян говорит о **сквозных векторах** исторической эволюции, выделяя пять таких векторов: рост технологической мощи; демографический рост; рост организационной сложности; рост социального и индивидуального интеллекта; совершенствование культурно-психологических механизмов сдерживания агрессии (см., например: Назаретян 2004). Мы полагаем, что комбинацию таких сквозных сил можно представить и в большем, и в меньшем количестве «векторов», в зависимости от аспекта исследования (например, выделив такой «вектор», как «рост способности использования природной среды», поскольку «вектор» технологической мощи далеко не полностью покрывает его).

²² Так М. А. Барг и Е. Б. Черняк характеризовали действие неких общественно необходимых отношений, составляющих «особого рода совокупное целое, субстанцию, отличную от целостностей, образуемых другими сторонами этих отношений» (см.: Жуков и др. 1979: 73–74, 66–67).

изменения. Ведь если какой-то фактор постоянен, то как он обуславливает изменение развития? Разумеется, длительное воздействие каких-то условий создает и закрепляет какие-то качества и свойства и даже создает те или иные потенциальные движущие силы, но ведь для их пробуждения нужны особые условия. Ограничена также возможность объяснить развитие цикличностью (пульсацией) какой-то природной или социальной силы²³. Ее роль коренным образом меняется, как только общество переходит определенный рубеж (так, с развитием огнестрельного оружия стала уменьшаться опасность набегов кочевников на цивилизованные страны).

Таким образом, мы стоим перед проблемой. С одной стороны, выделить какой-то главный фактор для всего исторического процесса без натяжек нельзя. С другой – «хотя в конкретной действительности все эти факторы и находятся во взаимодействии, однако научное изучение их не может и не должно (как и всюду) останавливаться перед эмпирической «пестротой», а должно разложить тот пестрый и сложный клубок взаимодействия различных факторов на ряд причинных связей и зависимостей» (Сорокин 1992а: 523; выделено мной. – Л. Г.). И действительно, только с пониманием, какую роль играют в общем процессе (системе) те или иные его составляющие и как они соотносятся между собой, мы приходим от «созерцания» и описания процесса к его научному пониманию. Поэтому движение в сторону большей точности знаний имеет приоритетным направлением именно поиск более четких и ясных соотношений между какими-то отдельными силами, факторами и явлениями. Собственно научные законы в большинстве случаев как раз и показывают такое соотношение. Чем точнее удастся понять, какое, когда, как и при каких условиях (а также и почему) оказывается воздействие одной частью действительности на другие и на систему в целом, тем глубже мы понимаем самое действительность и тем научнее наши представления о ней.

Поскольку в каждый данный момент и в каждом месте существует неповторимое сочетание сил, вполне можно согласиться, что «нет перводвигателя всего исторического движения», «нельзя найти основную и исключительную причину для истории прошлого» (Арон 2000: 437, 436). Но признать это недостаточно. Поэтому мы сделали важный вывод, что *хотя нет и в принципе не может существовать главной движущей силы применительно одновременно и ко всей истории, и к любому ее эпизоду, однако в рамках избранного ученым объема исследования и поля применения выводов можно выделить относительно главные и неглавные силы*. Поэтому указанную выше дилемму мы считаем правомерным разрешить так. При моделировании исторического процесса для отдельных периодов можно избирать ведущими те или иные факторы, показывая причины ослабления одних и усиления других. И если такой прием не абсолютизировать, появляется возможность, фигурально говоря, распределить факторы по периодам, тем самым оставаясь на более близких к реальности позициях, не теряя возможность процессного описания и стремясь достигнуть объективности.

В этом аспекте история предстает не как реализация одного-нескольких факторов-констант, а как процесс изменения силы различных факторов, исчезновения одних и включения других. При этом действие сквозных движущих сил сохраняется, но их значение сильно меняется от периода к периоду. Иными словами, на протяжении исторического процесса значение одних движущих сил уменьшается, других – возрастает. Этот процесс можно представить как ослабление старых и появление новых движущих сил, причем условно для каждой формации исторического процесса можно выделить один-несколько ведущих факторов.

²³ На подобной гипотезе основана, например, теория этногенеза Л. Н. Гумилева (1993), справедливо подвергавшаяся критике. Для некоторых моментов все же такой прием может оказаться удачным: например, его применяют в циклических теориях, в частности в структурно-демографической теории (Goldstone 1991; Нефедов 2005). Так, периодическим усыханием степей некоторые историки объясняли усиление активности кочевников (правда, есть и прямо противоположное мнение, что активность кочевников усиливалась именно в период их наилучшего состояния).

В нашем представлении это выглядит так. В период присваивающего хозяйства главными силами, заставлявшими общества идти вперед, были изменения в природе и необходимость для человеческих коллективов менять места поселения. Это хотя и очень медленно, но вело к заселению планеты, увеличению контактов, появлению многих изобретений и приспособлений. В эпоху сельского хозяйства природный фактор хотя и продолжает быть очень важным, но в мировом масштабе еще большую роль стали играть военные и иные взаимодействия, которые заставляли думать об улучшении обороны, управления, государственных делах и прочем. В эпоху индустриализма все более важной движущей причиной становились производительные силы, которые обрели способность самовозрастать и из года в год увеличивать как объемы, так и технологию производства. Следует выделить также общественную (классовую борьбу), которая постепенно заменяла войны в качестве толчка к преобразованиям в обществе. В настоящее время ведущими (из большого количества) силами в строго ограниченном аспекте, конечно, можно признать развитие науки и информационных технологий²⁴.

Таким образом, можно говорить о методологическом принципе, согласно которому **исторический процесс, его ритмы, этапы, скорость, переход на новый уровень и многое другое неразрывно связаны с изменениями в движущих силах в целом и появлением новых движущих сил в частности.**

Само собой, с учетом масштаба, объема, уровня анализируемого материала. Подобный взгляд позволяет интегрировать несколько точек зрения и теорий в рамках анализа всемирно-исторического процесса. Например, не будет смысла жестко противопоставлять роль исторической эволюции и естественного отбора, с одной стороны, и рост сознательного момента в человеческом развитии (то есть роль идей, гениев, личностей, новаторства и т. п.) – с другой; значение внутренних и внешних факторов. Органически вписывается в концепцию также увеличение значимости производства и науки, особенно в последние несколько сот лет. Указанный выше подход объясняет также: а) как может сочетаться идея плюрализма (поскольку предполагается наличие многих факторов) и главных движущих сил, поскольку их роль меняется от этапа к этапу; б) причины ускорения развития и модификации общественных законов.

5. Внешние и внутренние движущие силы

Социальная эволюция – медленный путь развития, которое порой напоминает движение монотонно поворачивающегося на одном месте колеса (Тойнби 1991). И в то же время – это тяжелый и разрушительный путь, в результате которого методом естественно-исторического отбора с помощью бесчисленных проб и ошибок, «выбраковки», по выражению М. Гейтнера, неудачных или несчастливых форм постепенно выявлялись удачные и прогрессивные. Необходимость приравниваться к безжалостной окружающей природной и социальной среде способствовала лучшей приспособляемости²⁵. И выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на внешний вызов, был сильнейшим, энергичнейшим, наиболее сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, «везучие»: защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Естественный отбор поэтому нераз-

²⁴ Так, в нашем понимании, это выглядит на формационном уровне. Но уже говоря о вариантах формации и тем более об отдельных обществах, мы для каждого случая должны модифицировать иерархию движущих сил. Например, в городах-государствах Греции важнейшую роль играла политическая борьба между их гражданами, а в Риме в отдельные периоды – внутренние (гражданские) войны. В других случаях мы вспомним о религиозных движениях и т. п. А если спустимся на уровень сравнительно небольших периодов, то очень важными станут отдельные личности, случаи, мелкие особенности и т. п.

²⁵ Исследователей во многих обществах восхищали целесообразность производства, быта, форм политического устройства, культуры и т. п. данной конкретной обстановки. Плеханов писал по этому поводу: «Тут повторяется то же явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразное самим характером своим осуждено на гибель» (Плеханов 1956а: 644).

ривно связан со случайностями. Таким образом, упрощенно говоря, внешние движущие силы (природа, социальное окружение) воздействовали на общество так, что создавали возможности для естественного отбора, а различные контакты и заимствования способствовали распространению того, что доказывало себя наиболее удачным. Соответственно, чем теснее связаны общества, тем больше возможность проявления и распространения достижений.

Мы уже говорили (см. главу 2), что необходимо пересмотреть многие взгляды на сам ход социальной эволюции в целом. В частности, нередко судьба отдельного общества зависит и от случайностей. Сегодня, когда столь модна идея о бифуркациях в эволюции, стоит обратить внимание, что период появления государств и был таким неустойчивым положением-бифуркацией для массы изменяющихся обществ, когда те или иные, казалось бы, незначительные события могли сыграть решающую, а то и роковую роль. Так, например, Чингисхан еще до провозглашения его верховным ханом трижды чудом избегал смерти, причем один раз его искали триста погнавшихся за ним всадников (Харан-Дава 1996: 105). Погибни он – и гигантской империи бы не возникло. Ведь история кочевников говорит, что порой проходили сотни лет, пока появлялся деятель, способный до такой степени сплотить их. А Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48).

Таким образом, с одной стороны, любой эволюционный скачок подготавливается всем предыдущим развитием и «опытом» за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назреванием потребностей в «решении задачи», пока линия эволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой – где и как это произойдет – вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий. Причем оформившееся здесь новое закрепляется по-настоящему, только если оно распространяется дальше породившего его общества. Иными словами, мы считаем, **что появление принципиально нового всегда есть синтез общечеловеческого и особенностей передового общества.**

В этой связи важно отметить и такой момент. Главными движущими силами в одних случаях могут выступать внешние воздействия, в других – внутренние противоречия (например, социальная или партийная борьба). Но мы можем констатировать, что для каждого типа обществ **есть свой определенный предел, потолок развития.** Дальше него (с учетом характеристики эпохи) оно может пойти либо в результате выпадения из общего ряда как новая «веточка» эволюции, либо под воздействием более развитых соседей и при необходимой трансформации структуры. В ином случае общество вступает в кризис, но не в силах удовлетворительно, то есть радикально, разрешить его. Это одно из объяснений циклов подъема и упадка, столь характерных для ряда древних и средневековых обществ, особенно восточных. Государство каждый раз начинает очередной цикл с новой отметки, но в своей эволюции пропускает наиболее удачный момент для качественной мутации и трансформации, в результате все дальше отдалается от возможности совершить эволюционный скачок, а нередко развитие и вовсе заходит в тупик.

По мере развития все новых социальных факторов, особенно промышленного производства, науки, классово-партийной борьбы, современных идеологий и т. д., а также ослабления изоляции обществ **роль эволюции ослабевает, а иных сил растет, точнее роль социальной эволюции трансформируется, переходя на более высокий уровень.** В результате эволюция заменяется социальным реформированием. По мере же интеграции человечества и появления у него общих проблем и своего рода международной «этики» реформирование начинает перерастать в то, что можно назвать социальной селекцией (местный тип общества «скрещивается» с образцом передового) и инженерией (то есть конструированием модели общества и планированием его функционирования). Разумеется, эти способы развития еще в начальной стадии и полностью себя не проявили. А роль эволюции хотя и ослабла, но все же сохраняется. Очевидно, что изменение баланса движущих сил ведет к модификации исторических законов.

4. Некоторые принципы анализа движущих сил

Как уже сказано, без противоречия нет развития. Но что такое «противоречие»? В целом же для нашего случая противоречие можно было бы определить как **осознанное или неосознанное противодействие, конкуренция или прямое столкновение различных по характеристикам сил и влияний**. Из такого столкновения может возникнуть особого рода равнодействующая сила либо новая потребность и попытки ее удовлетворить и т. п. В общем плане наличие определенного противоречия и возможностей для его разрешения и создает основу для развития. И наоборот, отсутствие или слабость противоречия лишают общества возможности меняться.

Без противоречия нет развития, но возникновение противоречия не ведет автоматически к развитию, поскольку оно может долго или вовсе не разрешаться. Бывает, что из-за этого нарушается цикл, общество так и живет с нарушенным и ставшим уже привычным, вроде опухоли, воспроизводством. Оно может постепенно угасать или быть взорвано изнутри неразрешимым иначе противоречием (восстание, революция и пр.), чтобы на его обломках началось новое движение с более низкой отметки. Значит, движущие силы можно разделить на **подводящие к противоречию и разрешающие** их. Иногда они совмещаются в одном факторе (например, современные производительные силы, наука), но обычно между возникновением и нарастанием противоречия, с одной стороны, и его положительным разрешением – с другой, проходит время, порой настолько длительное, что проблема перезревает и парализует всякую нормальную жизнь.

Можно сделать вывод, что когда в обществах преобладает стремление к сохранению (консервации) отношений и образа жизни, то развития почти нет или оно случайно. Такая ситуация особенно характерна для первобытности. Однако с усложнением социальных организмов и увеличением их контактов появляются многочисленные источники противоречия, поэтому абсолютно господствовать консервативная тенденция не может. Преодолевается противоречие в зависимости от особенностей обществ по-разному, но качественное развитие в результате такого разрешения реализуется далеко не всегда, а появление стадийного (этапного) нового качества – всегда очень редкий, исключительный случай.

Рудольф Карнап (1971: 97–109) делил понятия науки на три вида: классификационные (то есть относящиеся к выделяемому классу, например, теплых предметов, планет, феодальных обществ и т. п.); сравнительные, то есть позволяющие сравнивать вещи: теплее, демократичнее, прогрессивнее и т. п.; и количественные, то есть выраженные языком цифр, для которых особенно важны конвенции, соглашения. Для анализа исторического процесса они также интересны. Но, может быть, еще более важным для него будет деление категорий на две группы, характеризующие общества в состоянии покоя и в состоянии изменений²⁶. Конечно, между покоем и развитием есть множество промежуточных градаций и типов, не учитывать которые при тех или иных задачах нельзя. Для оформления такой глобальной категории можно было бы использовать термин **тип состояния**. В свою очередь, он делится на **тип покоя (стабильности) и тип изменений**.

На развитие и его темпы колоссальное влияние оказывает момент сознательного стремления к целям, достижение которых требует определенных изменений в обществе и тем более сознательного стремления к изменениям цели. В этой связи нельзя не отметить, что у некоторых исследователей нет четкости в различении деятельности людей вообще, безотносительно к тому, насколько они желают изменений, и деятельности, так или иначе осмысленно направленной к ним (первую мы будем называть **неосознанной**,

²⁶ Такое деление возникло довольно давно, и еще Огюст Конт ввел понятия «социальная статика» и «социальная динамика». Но, конечно, «не существует таких состояний общества, которых бы не затрагивали никакие перемены» (Маркович 1993: 17). А Гастон Башляр отмечал: «Устойчивый объект, неподвижный объект, вещь в состоянии покоя задавали область подтверждений аристотелевской логики. Теперь перед человеческой мыслью возникают другие объекты, которые невозможно остановить, которые в состоянии покоя не имеют никаких признаков и, следовательно, никакого концептуального определения» (Башляр 1987: 252).

вторую – **осознанной**). Поэтому трудно согласиться с такими, например, взглядами, что «всякая деятельность людей есть движущая сила... качество быть движущей силой есть имманентное существенное качество человеческой деятельности вообще и эта деятельность в силу указанных причин не делится на движущую или недвижущую» (Барулин 1993: 255). Во-первых, без сознательной целевой деятельности нет самой идеи истории. По сути, осмысление целей (идей) и их результатов – это тот узловой момент, вокруг которого и идут философские споры (о том, кто главный субъект истории, как соотносятся идеи и материальная жизнь и т. п.). Во-вторых, скорость изменений (а вместе с этим темп исторического процесса) в результате влияния осознанной и неосознанной деятельности различается на несколько порядков. Так, сегодня за год делается изобретений (сознательно) больше, чем их происходило в древности за сотни лет (случайно).

Конечно, и самые неосознанные вещи могут вести к глобальным переменам, но это требует длительного накопления различных вещей, затем создающих условия для скачка. Так, сотни тысяч лет люди охотились и собирали растения, что способствовало их размножению, расселению и развитию, пока не произошла аграрная революция. Но такая деятельность напоминает «деятельность» животных, меняющих карту моря, ландшафты или способствующих появлению новых видов. Если мы такую стихийную жизнь сравним с творческой, то подорвем саму идею о социальных движущих силах и об отличии биологической эволюции от исторической²⁷. Да и сама категория движущих сил истории (общества), если не выделить из общего контекста, каковым и является человеческая деятельность вообще, главные причины развития, во многом теряет смысл. Таким образом, в ряду качества *осознанная деятельность – неосознанная деятельность* мы видим два полюса, две крайние идеальные точки. И различия между ними совершенно очевидные

и крайне важные, хотя реальная деятельность никогда полностью не приближается к ним (поскольку, с одной стороны, она всегда каким-то боком проходит через сознание, а с другой – даже самая планируемая деятельность иногда ведет к результатам, которых не ждали).

В-третьих, утверждать, что **внутри самогó социального есть имманентное стремление к самосовершенствованию, неправильно и неисторично**. Так не объяснить разницу в результатах и темпах развития. Возникают очень важные вопросы о том, когда и как появляется сознательное стремление к изменениям и какие этапы проходит этот процесс. Насколько совпадают конечные (и иные любые) итоги и первоначальные цели? Насколько отлично развитие в результате сознательных устремлений и неосознанных в этом плане действий? И т. д.

Нет никакого сомнения в том, что стремление к переменам и улучшениям как у отдельного человеческого индивида, так и у коллективов – качество потенциальное, то есть такое, которое, в принципе, может проявиться, но долго «дремлет». В ряде обществ оно так и остается в неразвитом состоянии, а в других – при благоприятных обстоятельствах – способно стать постоянным (причем для разных сфер жизни это происходит с огромным временным разрывом). Стремление к изменениям превращается во внутренний источник развития относительно поздно, когда общественное сознание связало два момента: необходимость перемен и их благотворность для решения многих проблем. Таким образом, человеческая деятельность, связанная с попытками изменить ситуацию, есть не **имманентное, а лишь потенциальное свойство**²⁸.

²⁷ По мнению П. Сорокина (1992а: 525), «выдавать за социальные факторы то, что свойственно всему миру животных... занятие малопродуктивное и во всяком случае не экономное».

²⁸ Но теперь уже ясно, что гипертрофированное стремление к изменениям может быть так же вредно, как и страсть к постоянству во что бы то ни стало. И когда эта идея станет совсем ясной (когда жизнь заставит ее не только понять, но и принять), тогда, вероятно, найдутся способы, не гася стремление к улучшениям, по-

Когда те или иные стремления людей и групп становятся осознанными, получают определенную базу внутри обществ и тем более морально-правовое обоснование, тогда они, по выражению Маркса, превращаются в материальную силу, мало того, движущую силу, которая не дает людям и коллективам стоять на месте. И история демонстрирует нам, как вызревают все новые побудительные мотивы и, наоборот, подавляются старые (например стремление к завоеваниям, столь важное в прежнее время). Можно сделать следующий вывод: **чем менее ясно осознана обществом роль движущих сил, тем труднее идет развитие.**

Таким образом, проблема осознанной – неосознанной деятельности занимает важное место в общей концепции движущих сил. Увеличение доли действий, сознательно направленных на изменения, – одна из серьезнейших причин того, что стихийное эволюционное развитие заменяется элементами социальной генетики и инженерии. Но это также одна из причин изменения и самого **типа эволюции**. В нашем представлении такая трансформация выглядит следующим образом.

Период антропогенеза – это переход от биологической к социальной эволюции. Но и последняя проходит ряд этапов. В первобытности она очень медлительна, потому что является **стихийно-социальным типом эволюции**. С появлением государств и цивилизаций можно говорить о формировании собственно **исторической эволюции**. В древности и средневековье она, по нынешним меркам, все еще очень медленна и разрушительна. Это **военно-цивилизационный тип эволюции**. Затем ее сменяет новый тип исторической эволюции: **промышленно-реформаторский (революционный)**. Наконец, сегодня формируется иной тип эволюции – **общечеловеческий**. Но на этом этапе, как сказано, роль эволюции уменьшается, а роль иных факторов развития увеличивается.

Проблема осознанной – неосознанной деятельности тесно связана и с наличием двух – часто выступающих как противоположные – подходов к исследованию движущих сил. Это эволюционный или естественно-исторический аспект, занижающий роль человеческой активности, и – как его иногда называют в литературе – субъектный, то есть делающий акцент именно на сознательной человеческой деятельности. На наш взгляд, в некоторых отношениях их можно пытаться органично связать. Для этого необходимо разграничить уровни анализа движущих сил. Тогда взаимодействие этих моментов в ряде случаев можно будет представить как сочетание движущих сил разных уровней, как соотношение глобальных и малых причин. Исходным для такого подхода можно взять принцип, согласно которому **уровень причины должен в целом соответствовать уровню результата**. Это значит, что очень серьезные, качественные, глобальные изменения нельзя объяснить лишь случайными индивидуальными причинами, например только чертой характера личности, только совпадением случайности и т. п.

Да, в некоторых состояниях общества любые воздействия могут стать важнейшими. Но в других ситуациях самые, казалось бы, подходящие состояния (та же неустойчивость, вызванная войнами и смутами) ничего качественно нового не дают. Поэтому при анализе исторического процесса мы сталкиваемся и с таким явлением, что насыщенные политическими и военными событиями большие эпохи из-за того, что мы не можем обнаружить развития, кажутся нам пустыми²⁹, а в некоторых небольших по времени периодах (например во время великих революций и войн) важными и существенными оказываются даже мелочи, тем более если они так или иначе повлияли на лицо мира в дальнейшем.

ставить их под такой контроль, который не даст возможности разрушить основы общественной стабильности.

²⁹ Вот как, например, историк описывает один из таких периодов: «История последующих столетий (Индии после VII в. н. э. – Л. Г.) представляет собой довольно однообразное чередование распрей между соперничающими местными династиями, которые можно более или менее подробно проследить благодаря многочисленным надписям и указам, выгравированным на медных пластинках, но подробности **эти монотонны и никому не интересны, кроме специалистов**» (выделено мной. – Л. Г.) (Бэшем 1977: 78–79).

Да, дело во многом объясняется тем, что именно состояния неустойчивости потенциально могут рождать новое. Но здесь надо добавить очень важное правило, которое часто не учитывается, а оттого все синергетические подходы остаются бесплодными: **состояние неустойчивости может рождать новое, только если ход эволюции (и предшествующего развития) подготовил для этого возможности.** Именно поэтому в некоторые кризисные периоды, которые совпадают со временем поиска историей новых путей, резко возрастает и роль отдельных деятелей, и значение эпизодов, мелочей, пустяков. Ведь в такой развилке-бифуркации случай может как способствовать, так и препятствовать появлению нового.

И поскольку для реализации нового нужно, как сказано, стечение особых условий, то общество в дальнейшем может иметь на себе отпечаток этой комбинации. А если его путь становится образцом для подражания другими, то это первоначально достаточно случайное совпадение причин и случайностей так или иначе формирует и развитие (иногда многих) обществ. Так что роль случая в определенные моменты действительно весьма велика. Но ее не стоит и преувеличивать и тем более мистифицировать. Раз возможность стала действительностью, то и малое становится уже большим и в этом смысле закономерным (то есть не фатально неизбежным, но вполне каузально объяснимым).

Таким образом, мы делаем логичный вывод: глобальные перемены реализуются не только через глобальные, но и через малые причины и явления и поэтому могут принимать форму, которая имеет отпечаток этих малых конкретных вещей. Если уместно такое сравнение, они могут стать тем, чем является прецедент для англосаксонского права. Но мы немногое поймем в историческом процессе, если будем акцентироваться только на этой стороне процесса и начнем игнорировать значение общего хода дел и накопленного к этому моменту общественного опыта; если мы не сможем увидеть, как в анализируемом обществе и месте синтезировались и переплавились достижения многих предшествующих ему и современных обществ; если забудем о таких важных вещах, как большая или меньшая вероятность совершения какого-то события и т. п. Поэтому можно утверждать, что, хотя многие процессы реализуются через различные и нередко случайные обстоятельства, другой стороной они опираются на вполне объективные факторы и предпосылки. А с такой позиции правомерно говорить, что *уровень причины равен уровню результата.*

Иными словами, мы утверждаем: **коренные изменения могут не произойти по воле случая, но произойти только по воле случая они не могут определенно.** Это значит, что накопленные тенденции реализуются далеко не всегда и не с «неумолимостью». Мало того, они реализуются по-разному именно благодаря стечению различных обстоятельств. Однако важно учитывать, что хотя последние открывают или не открывают вероятность качественных новаций, однако сами по себе обстоятельства не рожают новое качество, появление которого обусловлено более объективными вещами. В свою очередь, конкретные моменты нельзя объяснить только крупными выводами, конкретные вещи нужно объяснять конкретными же причинами³⁰.

Отсюда можно вновь перейти к проблеме сквозных движущих сил. В отношении них (как и вообще долгосрочных факторов) мы сформулировали правило: **чем длительнее по времени воздействие причины, тем слабее оно может быть в каждый данный момент.** Постоянно действующий фактор способен оказывать большое влияние и за длительный срок очень сильно воздействует на объект. Но сила его может оказаться слабее любой другой временной причины. Господство религии не означает отсутствия

³⁰ Например, вопрос об индивидуальных чертах процесса индустриализации в Англии, которые в дальнейшем стали образцом для подражания, не понять без тщательного исследования многих исторических особенностей Англии XVIII и предыдущих веков. И уж тем более вопрос о причинах появления и роли того или иного фаворита не объяснить просто наличием строя, порождающего фаворитизм. Тут приходится вдаваться в самые мелкие и личные моменты.

периодов упадка ее влияния. Длительный социальный мир может прерываться волнениями. И т. п. Такой подход проясняет во многом мнимость противоречия, на которое иногда указывают противники идеи сквозных факторов: почему глобальная причина не действует в тот или иной момент. Но стоит ли удивляться? Причина действует. Однако влияние иных вещей оказывается временно больше. Если затем воздействие этих локальных сил ослабевает или прекращается, положение восстанавливается. Если нет – значит, временные причины начали переходить в разряд постоянных или заменились иными.

Мы сформулировали и другие правила, связанные с учетом различных движущих сил, анализом их мощи и воздействия. Эти правила позволяют лучше понять, как совмещаются общие и частные, глобальные и локальные, сквозные и кратковременные и другие причины. Они достаточно просты и, если о них не забывать, позволяют избежать ошибок.

Чем сильнее что-либо проявляется в количественной стороне, тем слабее могут быть качественные изменения. Соответственно, чем больше возможности количественного развития, тем слабее потребность в качественном. Так, рост численности населения может гасить нужду в технических усовершенствованиях, и наоборот, отсутствие целинных земель иногда приводит к интенсификации сельского хозяйства. И обратное правило: **чем заметнее рывок в переходе в новое качество, тем меньше масштаб и количество проявлений нового качества.** Однако **чем больше качественных изменений, тем быстрее развитие. И наоборот.** Иными словами, новое не рождается массово, иначе оно из уникального становится типичным. Новое рождается сначала как нечто уникальное в месте стечения особых благоприятных обстоятельств. А когда оно утвердится и укрепится, оно начинает расширять свой ареал и распространяется. Но чем шире оно распространяется, тем в данном процессе слабее качественно новая сторона и сильнее количественная. При этом подражание новому вместе с удачами неизбежно дает и брак среди тех, где общественный материал неподходящий для такой трансформации или нет нужных условий и т. п. Такой цикл смены качественных и количественных изменений подробно описан нами в отношении развития производства (принцип производства) и формаций исторического процесса (см.: Гринин 2003).

Наконец, следует учитывать, что один и тот же закон для наблюдателя проявляется в разных случаях по-разному (см. подробнее: Гринин 1997а). И «наглядность» его проявления сильно варьируется: от внешне вообще незаметного до исключительно сильного. Однако это совершенно естественно. Неправомерно полагать («требовать»), чтобы нечто заметное в один момент и в определенных условиях было столь же заметным в других ситуациях. Соответственно для одних движущих сил необходима длительность действия. Для других – определенный объем, поле приложения (например, больше чем одно общество)³¹. Для третьих – именно неустойчивость, для четвертых – стабильность и т. д. Иными словами, исследуя роль той или иной движущей силы, необходимо понять и установить, при каких условиях действие ее становится заметным («ярким») и важным. Все это дополнительно объясняет, почему постоянно действующие факторы не могут быть всегда доминирующими.

Нужно также понять принципы, на основании которых мы объединяем в одну силу фактически множество разных, и затем конкретизировать их для меньших масштабов, уровней, периодов.

---

³¹ Как отмечал Гегель, «поступательное движение мира происходит только благодаря деятельности огромных масс и становится заметным только при весьма значительной сумме созданного» (Гегель 1934а: 95).